
ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.13)*

УДК 101

Е.В. Волохова*Южно-Российский государственный**политехнический университет**(Новочеркасский политехнический институт)**имени М.И. Платова**г. Новочеркасск, Россия**redaction-el@mail.ru***СВОБОДА ЛИЧНОСТИ
В ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА****[*Elena V. Volokhova* Personal freedom
in post-modern philosophy and culture]**

Self-transcendence of individual freedom in modern European and Russian sociocultural reality is analyzed. It is shown that the assertion in the postmodern culture of the existential of life and death, friendship and love, struggle and otherness in the conditions of preserving the singularity, one-timeness, irreversibility and momentariness of human existence – all this replaces the modernist ideals of reason, progress, priority of tradition, norms, order, honor, duty and conscience, the victory of the common interest over the private. Cultural innovations lead to the formation of humanism of a new quality, which embodies the fullness of the human presence in the context of its uniqueness in a freely flowing present. The conclusion is made that the postmodern asserts the idea that human freedom should be viewed from the perspective of a new ontology of a person, connected with the concept of a self-dissolving person who is able to understand and accept life from its origins. Human freedom in postmodernity is a process of self-determination, manifested as a response to evictions from the internal and external world in the unity of the reactions of chance and expediency in the context of permanent sociocultural transformations.

Key words: freedom, culture, postmodern, self-transcendence, self-dissolving person, cultural self-embodiment, self-determination.

Свобода человека есть везде, где есть личностное Я, способное к выбору и ответственности за его последствия. Поэтому бегство от свободы есть бегство от личности, самоотрицание своего личностного Я, имеющее различные основания, в том числе и социокультурные. Поэтому, несмотря на то что феномен свободы изучается в философии с момента пробуждения философского сознания, в условиях актуальной социокультурной реальности постоянно

предпринимаются обоснованные попытки дефинирования новых значений и интерпретаций его классического понимания. При этом акцент делается на социокультурной обусловленности различных форм проявления свободы. Не в последнюю очередь это связано с поиском и философским обоснованием кардинально новых способов бытийствования, проявляющихся в новых способах коммуникации, а также самореализации в целом, что требует переоценки старых подходов к толкованию проблемы свободы в ее политическом, социальном, правовом, этическом и особенно в философско-антропологическом и социокультурном аспектах.

На наш взгляд ценность свободы для человека определяется ее самотрансценденцией (от лат. *transcendentis* – выходящий за пределы) как процессом превращения внутренней активности в изменения во внешнем мире за счет выхода за свои пределы в социокультурное пространство. Человек всегда, так или иначе, творит самого себя и это творение себя и есть самотрансцендирование. Оно есть раздвигание границ своего «Я» и своего существования в области мира бытия, это «забрасывание» себя в другое, что дает результат не только миру, но и самому человеку. При этом самотрансцендирование жизни человека как личности есть в то же время самотрансцендирование его свободы. Понятие «самотрансцендирование свободы личности», положенное в основу данной работы и ограничивающее тем самым предметную область исследования, эксплицируется нами как активная и продуктивная творческая реализация позитивной свободы личности и не связывается с темой сверхъестественного начала, находясь в рамках позиции философско-антропологического реализма. Сама же позитивная свобода трактуется нами традиционно как «свобода для» в отличие от «свободы от».

Если проследить развитие всей истории человеческой культуры, то станет ясно, что свобода еще никогда не приобретала такой значимости и не становилась доминирующей эпохальной характеристикой, какой она стала в культуре постмодерна.

Данная культура в Западной Европе второй половины XX века стала временем утраты не только внутренних авторитетов, но и страха перед внешними социальными институтами, в том числе общественным мнением. Каждый в этой культуре стал свободным в той мере, в которой его поведение не пересекается с законными правами других людей. Реальная власть сменилась вла-

стью анонимной, проявляющейся в воздействии здравого смысла, общественного мнения, науки, образования, сфере досуга. Действенность данной власти обусловлена ее скрытым и малозаметным, но весьма эффективным воздействием на личность. Вследствие всех этих изменений, коренным образом повлиявших на самотрансцендирование свободы личности, проблема раскрытия особенностей экспликации самотрансцендирования личностной свободы в культуре постмодерна представляется достаточно актуальной.

Современное философско-антропологическое знание, методология которого нацелена на интегрально-обобщающий характер исследования, располагает богатым теоретико-концептуальным и эмпирическим базисом, позволяющим осуществить наиболее целостное и фундаментальное структурное и классификационное моделирование проявлений феномена свободы в культурной ситуации постмодерна. Оно способствует обобщению различных методологических подходов к изучению современной экспликации свободы.

Наиболее ценными разработками в области исследования особенностей экспликации свободы человека в культуре постмодерна представляются зарубежные труды Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Деррида и Ю. Хабермаса. Определенный вклад в исследование данного аспекта свободы вносят и такие отечественные исследователи, как А.А. Алебастрова, В.Н. Волков, В.В. Денисенко, А.Ю. Евдокимов, А.В. Каримов, Г.С. Киселев, В.А. Кутырев, А.Г. Краснова, А.Н. Лукин, М.Г. Митякина, Л.А. Мясникова, Л.В. Низовцева, Л.В. Пятилетова, А.М. Руденко, Н.В. Смирнягина, А.С. Скутин, Г.Л. Тульчинский, В.И. Холодарев и другие.

Особо ценным для настоящего исследования является то, что значимость свободы в культуре постмодерна, ставшей по существу ее основным атрибутом, отмечается и анализируется как зарубежными – Ф. Фукуяма, Х. Ортега-и-Гассет, Ю. Хабермас, так и отечественными исследователями – В.В. Денисенко, Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова, А.Н.Лукин, А.С. Скутин, Г.Л. Тульчинский.

В постмодернистском дискурсе была предпринята попытка осуществить целостную дескрипцию становящейся и неустойчивой культуры постмодерна, осуществив выход из «мертвой зоны структурности» (Ж. Деррида), предустановленных смыслов и ценностей, атаковав стереотипизированные и клишированные парадигмальные установки. Данная задача повлекла за собой фундаментальную методологическую переориентацию укоренивших-

ся в европейской ментальности стандартов исследовательского поиска. Это потребовало актуализации философско-антропологической проблематики, ориентированной на рефлексию «ницшеанской критики метафизики, особенно таких понятий, как бытие и истина, которые заменяются понятиями игры, истолкования и знака (знака без наличия истины); фрейдовской критики самоналичия, то есть сознания, субъекта, самотождественности, сходства и принадлежности самому себе; и, конечно же хайдеггеровской деструкции метафизики, онтоотеологии, определения бытия как наличия» [4, с. 410]. Использование данных методологических предпосылок позволило обнаружить в культурных реалиях постмодерна новые эпохальные тенденции, ранее не представленные ни в одном предшествующем историко-культурном срезе социального бытия.

Постмодерн стал широким культурным движением в западном мире, повлекшим за собой «тотальное раскрепощение человека, «самоубиенного обществом», позабывшего, где и когда он был богом» [5, с. 380]. Социокультурные катаклизмы середины XX века обнаружили пагубность власти идей, приведших к гибели миллионов людей в масштабах всей планеты. Именно это потребовало коренного переосмысления фундаментальных проблем, приведших к глобальному мировоззренческому кризису.

Применение тактики деконструкции существующих смыслов и ценностей было осуществлено с целью выяснения того как происходит превращение живого чувствующего и мыслящего человека в обезличенного и одномерного субъекта, растворяющегося в самоотчужденном поле социального большинства и сползающего из рельефного пространства «нечто» в бездну «ничто». Кризис либерализма и демократии, расцвет фашизма и тоталитаризма, чудовищные проявления агрессии, жестокости и антигуманизма – все это поставило под вопрос действенность и ценности существовавшей многовековой традиции философии, науки, искусства, религии и иных форм духовной культуры, а также потребовало поиска других подходов к сущности культуры, человека и его предназначения.

Осуществленная констатация «смерти» человеческой субъектности в постмодерне связана не столько с нивелированием человеческого достоинства или человеческой деятельности, сколько с отрицанием западной концепции человека эпохи модерна. Постмодерн призывает не к анархии, а к

принципиально новой трактовке индивидуальности и единичности человека, его сознания и свободы. «Империализм гиперрациональности» (Ю. Кристева) был сменен иррационализмом, картезианский постулат «я мыслю, следовательно, существую» вытеснился лакановской формулой «я мыслю там, где не существую, а значит, существую там, где не мыслю» [9, с. 74]. Постмодернистская форма восприятия реальности проявилась, с одной стороны, во всесторонней критике позитивизма и сциентизма, имманентного и каузального детерминизма, серьезного восприятия искусства и рационализации властных структур. С другой стороны, в апологетике нерационалистических способов мышления, неструктурных и неструктурируемых сил сопротивления репрессивной власти центра, а также концепций целостной личности, противопоставленной отчужденному и подавленному рационализированному субъекту. В культуре постмодерна особенно ярко проявилась социально-политическая критика, использовавшая эстетику восприятия мира, приводящую к диалектике освобождения.

Постмодернистская философско-антропологическая проблематика тесно связана с утверждением права человека быть и оставаться самим собой со своими комплексами, страхами и другими экзистенциальными проблемами. Человек в данном понимании освобожден от сравнения с идеальными образами, нормативами и прототипами человека эпохи модерна. Новый проект человека эпохи постмодерна позволил реабилитировать его возможность быть плохим, вернул ему право на преодоленную, на первый взгляд, и изжитую «животность», выражающуюся в его телесности, чувственности и эротизме. В культуре постмодерна акцент сделан на том, что человек не только должен нести ответственность за свои поступки, но и по большому счету – иметь право свободы выбора.

Проведенный нами анализ показывает, что среди новых философско-антропологических установок постмодерна относительно свободы человека необходимо выделить следующие:

- отказ от традиционного категориального аппарата философии, дающего точные репрезентации и рассматривающего человека и его свободу в контексте бинарностей, и принятие перспективизма как установки, согласно которой любой объект может быть познан как существующий в перспективе его видения, вне которой он продолжает находиться в

темноте бытия и сознания. Согласно данной установке, момент познания свободы связан с одномоментным схватыванием ее во множестве ракурсов, ни один из которых не может считаться предпочтительным. Это тот момент, когда свобода в сознании познающего находится в положении скрещивания перспектив, горизонтов и плоскостей ее восприятия, в некоей точке бифуркаций и флуктуаций в пространстве глобального непостоянства и неустойчивости бытия. Поэтому никакая интерпретация свободы человека не может считаться единственной возможной, т.к. она предстает в бесконечном множестве своих граней и значений, а познающему человеку не доступны исходные, объективные и достоверные точки отсчета. Это приводит к выводу об иллюзорности любой истины, сама претензия на обладание которой скрывает в себе претензии на власть и монополию ментальных характеристик;

- идея, согласно которой традиционные грамматические структуры языка, позволяющие познавать свободу, являются средством подавления живых процессов мышления и различных проявлений свободы в окружающем мире. Как отмечает Э.А. Поздняков, «некоторые наивно считают себя свободными существами, но первые цепи, накладываемые на каждого с малых лет, – это тот язык, на котором человек говорит» [14, с. 10]. Человек, считая что он владеет словом, не подозревает, что само слово деспотично владеет им. В этой связи интересна мысль Р. Барта: «Мы не замечаем власти, таящейся в языке, потому что забываем, что язык – это средство классификации, а всякая классификация есть способ подавления... Любой естественный язык определяется не столько тем, что он позволяет говорящему сказать, сколько тем, что он понуждает его сказать... Весь язык целиком есть общеобязательная форма принуждения. ...Свобода возможна только вне языка. Но беда в том, что за пределы языка нет выхода: это замкнутое пространство» [1, с. 548-550]. Конечно, верно, что язык ограничивает свободу. Неверно лишь то, что свобода возможна вне языка. Как раз наоборот: свобода и язык есть понятия малоразделимые, ибо лишь с помощью языковых средств человек может ощутить или помыслить себя свободным или несвободным. Вне языка проблема свободы не сможет быть даже поставлена, а уж тем более решена. И именно слово

может обеспечить или лишить человека свободы, объединить его с окружающим миром, его ресурсами или другими людьми или, наоборот, разъединить. А поскольку у каждого человека есть свои оттенки интерпретации при восприятии окружающей действительности при употреблении одних и тех же понятий, постольку не может быть и единства в интерпретации понятия «свобода», которая может использоваться как средство манипуляции и фальсификации с помощью силы слова. «Слово вводит нас в полноту истины, открывает все тайны, являет невидимое, воспроизводит отдаленное прошлое, ограничивает бесконечное, увековечивает преходящее, – пишет Л. Фейербах. – Люди умирают, слово бессмертно; слово есть жизнь и истина. Слову дано всемогущество... слово творит чудеса...» [18, с.111]. Именно постмодерн привнес идею о том, что язык есть средство фальсификации мира свободы за счет ее постоянной однобокой интерпретации. Языковые структуры направляют исследовательский поиск туда, где часто ничего нет, уводя от того, что действительно существует. Склонность к традиционным дихотомиям, редуцирующим восприятие свободы, блокирует возможности сознательного поиска новых ценностей, связанных с опровержением устоявшихся идеалов и норм. Постмодерн поэтому требует отказа от традиции в пользу коммуникации в интерактивном режиме актуальных социально-культурных процессов;

- свобода человека должна рассматриваться в ракурсе новой онтологии человека, связанной с концепцией саморасходующегося человека, способного понять и принять его жизнь исходя из ее же истоков, когда каждый момент существования желателен ради него же самого. Человек постмодерна руководствуется лишь собственным желанием и не принимает «положенные» ему стили жизни, навязываемые обществом, спекулирующим на структурах знания как власти и идеологического господства. Осознанно относясь к своей жизни, такой человек любит любые ее проявления и желает увековечить их любыми способами, которые оказываются у него в распоряжении. В подобной атмосфере размытости границ дозволенного исчезают нормы, регламентирующие то, что ранее считалось бы неприличным или недопустимым;

- признание внутренней среды сознания в качестве действующей причины происходящего в окружающем мире, порождающее восприятие человека не как объекта манипуляций, а как целесообразно действующего субъекта в соответствии с собственной внутренней природой. Данная идея выходит за границы антропоцентризма и реанимирует архаические способы первобытного восприятия мира, коллективистские формы рефлексии спонтанные реакции сознания, которое эксплицируется как коммуникация не ограниченная установленными нормами культуры. Это приводит к новому пониманию реальности свободы в сохранении целостности человеческой природы, преодолении дихотомии телесности и духовности, физического и психического, чувственного и умопостигаемого, внешнего и внутреннего. Человек воспринимается свободным, неспециализированным, открытым миру, пластичным и сопряженным с конструированием небывалого гуманизированного образа жизни. Мышление трактуется как коммуникация, в которой невозможно различение рационального и иррационального начал. Интенциональность сознания связывается не столько со знанием, сколько с пониманием, имманентным специфике жизни человека. Свобода человека в постмодерне есть процесс самодетерминации, проявленный как ответ на вывозы со стороны внутреннего и внешнего мира в единстве реакций случайности и целесообразности в контексте перманентных социокультурных трансформаций. Культура постмодерна предстает перед человеком как резервуар возможностей, опредмечивающих перспективы личностных трансмутаций в свете актуальной процессуальности социального самоопределения.

Следует также отметить, что вопреки большинству исследователей культуры постмодерна, мы склонны заключить, что желающий человек постмодерна, тем не менее, не находится, в атмосфере смыслоутраты, ибо для человека в принципе может быть сознательно желаемо лишь то, что он наделяет смыслом, который часто, однако, в процессе воплощения имеет гетерогенный характер. Гетерогенные смыслы постмодернистского человека связаны с иррациональными и внерациональными характеристиками, актуализирующими свободное самоопределение в вопросах телесности, пола, вожделения и т.п.

Устранение гомогенного принципа оценки человека и социокультурной реальности привело к деструкции многих традиционных положений морали, подкрепленных религиозными основаниями. Моральные установки были объявлены результатом порождения мыслительных актов, являющихся не гомогенными бытию, а сотворенными человеком и предстающими перед другими людьми в многообразии языковых интерпретаций, экспликаций, дешифровок и толкований. Рациональность утрачивает привилегированное положение как многовековой источник силы и власти, уступая его структурам вожделения. Реабилитация телесности вернула человеку полноту желаний и переживаний, глубину боли и страданий пребывания в реальном времени и пространстве становящегося социокультурного бытия, историчность которого, однако, стала партикулярной и контрадикторной, объединяющей противостоящие друг другу наррации, мировоззрения, картины мира, идеологии и образы жизни.

Последнее породило тенденции, противостоящие глубине и целостности личности, фрагментирующие субъекта, приводящие к разрыву связей и традиций, образующие симуляции и прорехи бытия. Как показал Ж. Бодрийяр, симулякр есть знак, модель или схема, за которой ничего не стоит, это «искусственное образование, заменяющее собой реально существующие предметы и отношения» [21, с. 122-123]. Исследуя его наследие, В.И. Холодарева пришла к выводу, что почти все значимые явления современной жизни становятся симулякрами. Не только свобода человека, но и любовь, секс, смерть, искусство, экономика и, в конечном итоге, сам человек. Поэтому «любые попытки завоевать свободу в эпоху всеобщей симуляции заранее обречены на поражение...» [21]. Причем катализатором симулируемой реальности является реальность цифровая, связанная с современным использованием компьютера.

В процессе децентрации утверждается не иерархия порядков, а амбивалентность и бесструктурность, стирающая грань между высоким и низким, нормой и девиацией. При этом индивидуально-личностные особенности человека становятся фактором адаптации и выживания человека в перманентно меняющихся условиях глобализующегося мира. Нарастание неопределенности, гетерогенности и гетерохронности приводит к трансформации ментальных процессов личности, обретающих генеалогическую перспективу, контрадик-

торную логоцентрическим парадигмам. Влекомый вызовами реальности и зовами плоти человек теперь свободно выбирает между критериально обусловленным мышлением или отказом от него. Человеческая плоть инкорпорирует человека за счет его ощущений и желаний в жизненный мир, в котором утрачивается глубина и воцаряется автономия поверхности. Однако последнее часто трактуется не как возвращение подлинности бытия, а как утрата глубинности его измерения. Так, например, О.В. Пастушкова указывает на то, что «... свобода, рожденная в децентрированной, характерной для постмодернистского дискурса фактичности, разрушительна для человека, а потому являет собой обманчивую видимость, иллюзию свободы» [13, с. 19]. Аргументируется данное заключение тем, что фактичность, провозглашенная постмодерном есть фактичность поверхности, освобождающая от любого содержания, что приводит к бездуховности, смыслоутрате и т.п. Несмотря на частичную резонантность данного аргумента, все же трудно с ним полностью согласиться, ибо человек даже в культуре постмодерна не лишается все же полностью специфических модусов человеческого бытия, так или иначе реализуя себя в едином континууме самотрансценденции и самотождественности.

Желания человека постмодерна предстают как предельная и непреложная реальность, выступающая источником творчества и находящаяся в противоречии с рационально обусловленными добродетелями классической морали. Личные интересы становятся выше социальных: анализируя желания, человек реализует социальные и экзистенциальные интенции. При этом социокультурная реальность утрачивает статус подлинности. Она, виртуализуясь и становясь лишь пространством страстей и ожиданий, обретает ситуационность, преодолевающую вертикальные иерархии полицентричными горизонтами позиционирования реальности. Иерархия уступает место мозаичности, структурность – фрагментарности, а очевидность – фикции. Вместо иерархии устанавливается мозаичность, структурность замещается фрагментарностью, кажущиеся очевидности – фикциями. Поэтому наиболее продуктивная позиция для «постмодернистского человека» – тотальная игровая ситуация.

В условиях постмодернистской реальности игра становится для человека обнадеживающим и жизнеутверждающим фактором. Выступая своеобразной жизненной стратегией, она утверждает свободное, незавершенное и

открытое положение человека в мире. Не будучи связанной с рекомбинацией реальности из имевшихся ранее пластов историко-культурного наследия, она освобождает человека от власти традиций и требовательности универсальных норм, придавая самому существованию человека оттенок условности, полифоничности и полиморфности.

Возникающая в связи с этим тотальная ревизия смыслов и ценностей порождает человеческое воление вне причины и вовлеченность вне участия. Отсюда возникает парадоксальная ситуация, при которой человек, не умея обходиться без осмысления собственной жизни и в то же время не будучи способным верить в их объективную значимость, приходит либо к ощущению абсурдности бытия, либо к осознанию необходимости деконструкции языка, помогающей открыть скрытое в тексте, восстановить сопряженность языковой и бытийственной ипостасей, слова и экзистенции. Языку отказывается в праве на удвоение реальности, которая, лишаясь возможности репрезентации его средствами, наконец, обретает полноту, отвергающую многообразие метафизических средств эскапизма. Утверждение экзистенциалов жизни и смерти, дружбы и любви, борьбы и инаковости в условиях сохранения единичности, однократности, необратимости и сиюминутности человеческого существования – все это приходит на смену модернистских идеалов разума, прогресса, приоритета традиции, нормы, порядка, чести, долга и совести, победы общего интереса над частным. Это, в свою очередь, актуализирует желание жизни, самосотворения, самоопределения, самореализации для того чтобы жить, возвышая свой голос, не заглушать при этом голоса других.

Усмотреть в полицентричной реальности постмодерна какую-то ведущую линию или центральную тенденцию довольно сложно, за исключением, пожалуй, тенденции освобождения желания человека, особенно чувственного характера, и наделения желания критерием собственной жизнедеятельности. Тем не менее, подобные попытки сегодня осуществляются. Так, А.Ю. Евдокимов делает предположение, что «постмодернизму соответствует субъективизм и материализм, а модернизму – объективизм и идеализм» [6, с. 291]. При этом им сразу же делается оговорка, что эти лишь идеальная модель и что каждая конкретная личность в той или иной ситуации способна к противоречиям в мышлении и поведении. В то же время данная модель нам кажется не такой уж далекой от истинного положения вещей.

Культура постмодерна, принеся с собой потерю историчности, нарративности и глубинного измерения феноменов реальности, хоть и явила собой ценность абсолютизации личностной свободы, но при учете данных характеристик свобода лишается устойчивых ценностно-смысловых ориентиров культурного самовоплощения. Все это приводит к тому, что функция сменяется фикцией. Истинное переживание любви сменяется аферами любви [15]. Подлинная религиозность, основанная на искренней вере и глубоко личностном религиозном опыте, в условиях постмодерна вытесняется религиозным ханжеством и фарисейством, которое, как показывают исследования А.Г. Красновой, уже не является конкретно историческим явлением эпохи зарождения христианства, а приобретает характер массового явления в современном христианстве [24, р. 46-48]. Это «пагубно отражается как на самом человеке, его внутреннем мире, так и на его окружении, и на жизни христианской церкви в целом во всех ее деноминациях» [8, с. 3].

Не случайно Г.С. Киселев, анализируя положение христианства в условиях постмодерна указывает на то, что «...подлинная, зрелая религиозность должны предусматривать, прежде всего, изменение сложившейся системы ценностей» [7, с. 3-15]. Но именно ценностный плюрализм, приводящий к ощущению смыслоутраты и потере восприятия универсализма историчности, и характеризует социокультурную ситуацию постмодерна, ибо, как верно указывает Ю.А. Шестаков, «главным постулатом философов, творящих в этой парадигме, является отказ от универсальной, единой, целостной истории» [23, с. 88-89]. Связан же этот отказ именно с отказом от метанарратива, господствующего в модерне, как общей теоретической концепции истории, дающей ответ о движущих силах, ценностях, смыслах и общей направленности ее. Не случайно один из главных основоположников философии постмодерна Ж.-Ф. Лиотар в ключевой для теоретической рефлексии данного культурного феномена работе «Состояние постмодерна» отмечал: «Упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов» [10, с. 10]. Постмодернистская трактовка смысла истории отныне связана с формированием нового социального порядка, признающего высшими ценностями индивидуализм, свободу, творчество, мультикультурализм, антифункционализм и антиутилитаризм. В общем, несмотря на раскрытие в рамках современной философской антропологии и философии культуры

сущности постмодерна, экспликация самотрансцендирования личностной свободы в культуре постмодерна представляется актуальной задачей, недостаточно разработанной отечественными и зарубежными исследователями.

Культура постмодерна, принеся с собой потерю историчности, нарративности и глубинного измерения феноменов реальности явила собой ценностную абсолютизацию личностной свободы. Но дело в том, что при учете данных характеристик, свобода лишается устойчивых ценностно-смысловых ориентиров культурного самовоплощения. Отказ от традиционного категориального аппарата философии привел к утверждению, что никакая интерпретация свободы человека не может считаться единственной возможной, т.к. она предстает в бесконечном множестве своих граней и значений, а познающему человеку не доступны исходные, объективные и достоверные точки отсчета. Постмодерн утверждает идею, что свобода человека должна рассматриваться в ракурсе новой онтологии человека, связанной с концепцией саморасходующегося человека, способного понять и принять свою жизнь, исходя из ее же истоков, когда каждый момент его существования желателен ради него самого. Свобода человека в постмодерне есть процесс самодетерминации, проявленный как ответ на вызовы со стороны внутреннего и внешнего мира в единстве реакций случайности и целесообразности в контексте перманентных социокультурных трансформаций.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Барт Р.* Избранные работы / Пер. с франц. Сост. Г. К. Косиков. М.: Прогресс, 1989.
2. *Гизатова Г.К., Иванова О.Г.* Свобода выбора и маргинальность как факторы самоопределения в современном мире // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 1.
3. *Денисенко В.В.* Свобода и права личности в контексте общества постмодерна // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 1 (7).
4. *Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000.

5. *Деррида Ж.* Театр жестокости и завершение представления // От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000.
6. *Евдокимов А.Ю.* Парадигмы сознания, постмодернизм, личность, свобода // Общество и право. 2008. № 1.
7. *Киселев Г.С.* Постмодерн и христианство // Вопросы философии. 2001. № 12.
8. *Краснова А.Г.* Образ фарисейства в современном христианстве: религиозно-психологический аспект // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4.
9. *Лакан Ж.* Истина буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
10. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. Перевод с французского Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
11. *Лукин А.Н.* Постмодерн: раскрепощение личности и (или) деградация культуры? // Социум и власть. 2014. № 1 (45).
12. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс: Сб.: Пер с исп. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.
13. *Пастушкова О.В.* Онтологическое пространство свободы: автореф. дисс... канд. филос. наук: 09.00.01. Воронеж, 2005.
14. *Поздняков Э.А.* Философия свободы. Испр. и доп. издание. М.: Дом печати, 2011.
15. *Руденко А.М.* Философско-антропологические и социокультурные основания феномена любви. Новочеркасск: Лик, 2014.
16. *Скутин А.С.* Свобода в философии постмодернизма, феноменологическая альтернатива // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 3-1.
17. *Тульчинский Г.Л.* Слово и тело постмодернизма. От феноменологии невременности к метафизике свободы // Вопросы философии. 1999. № 10.
18. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения: в 2-х томах. М.: Государственное издание политической литературы, 1955. Т. 2.

19. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ МОСКВА, 2007.
20. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. 2-е изд., испр. М.: Издательство «Весь Мир», 2008.
21. Холодарева В.И. Жан Бодрийяр: свобода как симулякр // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 7.
22. Шестаков Ю.А. Смысл и ценность истории в философии постмодерна // Наука сегодня: сборник научных трудов по материалам VII международной научно-практической конференции: в 4 частях. Научный центр «Диспут». 2015.
23. Шестаков Ю.А. Ценностные аспекты отрицания универсализма истории в философии постмодерна // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке сборник материалов 8-й международной научно-практической конференции. Махачкала, 2015.
24. Krasnova A.G. Pharisaism as a source of negative phenomena of social religious life in modern Christianity: conceptual foundations // Advanced Studies in Science: Theory and Practice A Collection of Scientific Papers. London, 2015.
25. Nesmeyanov E.E., Rudenko A.M., Kotlyarova V.V. Sociocultural analysis of cyberterrorism in social nets within the problems of information safety of Russian society // Научный альманах стран Причерноморья. 2015. № 4. <http://science-almanac.ru>

R E F E R E N C E S

1. Bart R. Selected Works / Trans. from French G. K. Kosikov. M.: Progress, 1989.
2. Gizatov G.K., Ivanova O.G. Freedom of choice and marginality as factors of self-determination in the modern world // Scientific notes Kazan University. Series: Humanities. 2012. Vol. 154. No 1.
3. Denisenko V.V. Freedom and rights of the individual in the context of post-modern society // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; right and management. 2011. No 1 (7).
4. Derrida J. Structure, sign and play in the discourse of the humanities // From structuralism to poststructuralism. M.: Progress, 2000.

5. *Derrida J.* The Theater of Cruelty and the Completion of the View // From Structuralism to Poststructuralism. M.: Progress, 2000.
6. *Evdokimov A.Yu.* Paradigms of consciousness, postmodernism, personality, freedom // Society and Law. 2008. No 1.
7. *Kiselev G.S.* Postmodern and Christianity // Questions of philosophy. 2001. No. 12.
8. *Krasnova A.G.* The image of Pharisaism in modern Christianity: the religious-psychological aspect // APRIORI. Series: Humanities. 2015. No 4.
9. *Lacan J.* The Truth of the Letter in the Unconscious, or the Fate of Reason after Freud. M.: Russian phenomenological society, 1997.
10. *Lyotard J.-F.* The state of the postmodern. Translation from French by N.A. Shmatko. M.: Institute of Experimental Sociology; SPb.: Aletheia, 1998.
11. *Lukin A.N.* Postmodern: the emancipation of the individual and (or) the degradation of culture? // Society and power. 2014. No 1 (45).
12. *Ortega-i-Gasset H.* The Rise of the Masses: Coll.: Trans. from Spanish. M.: Publishing House AST, 2001.
13. *Pastushkova O.V.* Ontological space of freedom: thesis abstract. Voronezh, 2005.
14. *Pozdnyakov E.A.* Philosophy of freedom. M.: Printing House, 2011.
15. *Rudenko A.M.* Philosophical-anthropological and socio-cultural basis of the phenomenonon love. Novocherkassk: Lick, 2014.
16. *Skutin A.S.* Freedom in the philosophy of postmodernism, the phenomenological alternative // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2009. No 3-1.
17. *Tulchinsky G.L.* The word and body of postmodernism. From the phenomenology of insanity to the metaphysics of freedom // Questions of Philosophy. 1999. No 10.
18. *Feuerbach L.* Selected philosophical works: in 2 volumes. M: State edition of political literature, 1955. Vol. 2.
19. *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. Per. from English Mb Levin M., 2007.
20. *Habermas J.* Philosophical discourse on modernity. M.: All World Publishing, 2008.

21. *Kholodareva V.I.* Jean Baudrillard: Freedom as a Simulacrum // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. 2008. No 7.
22. *Shestakov Yu.A.* The meaning and value of history in the philosophy of the postmodern // Science today: a collection of scientific papers based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference: in 4 parts. Scientific Center "Dispute". 2015.
23. *Shestakov Yu.A.* The Value Aspects of the Denial of Universalism of History in the Postmodern Philosophy // Actual Problems of Modern Science in the 21st Century, collection of materials of the 8th International Scientific and Practical Conference. Makhachkala, 2015.
24. *Krasnova A.G.* Pharisaism as a source of negative phenomena of social religious life in modern Christianity: conceptual foundations // Advanced Studies in Science: Theory and Practice A Collection of Scientific Papers. London, 2015.
25. *Nesmeyanov E.E., Rudenko A.M., Kotlyarova V.V.* Social science of socio-cultural analysis of the Russian society // Science Almanac of the Black Sea region countries. 2015. No. 4. <http://science-almanac.ru>

---

26 января 2019 г.